

В связи с открытием Америки
Морей прибавилось и нам.
Из века в век скользить вдоль берега,
Не приставая к берегам...
Из века в век скользить по лезвию —
То над клинком, то над пером...
Они ломаются, железные,
А мы — живем, живем, живем.

Алькор. «Из века в век»

Пролог

— Я против, и ты это знаешь.

— Ага. И сейчас ты меня запрешь в комнате и не будешь выпускать, пока дурь из головы не выветрится.

— Я не настолько глуп, — мужчина встал, прошел туда-сюда по комнате, — держать птицу в клетке... И все равно, я — против.

— Зануда. Занудой был и занудой остаешься, — женщина встала, подошла к мужчине сзади и обняла его, крепко прижалась. — За это я тебя и люблю, но... Прости, так нужно.

— Я знаю, — мужчина тяжело вздохнул. — Я не буду тебе мешать. Но помни — если что...

— Да-да, я помню. Ты придешь и убьешь любого, кто посмеет на меня пасть открыть.

— Именно так. С особой жестокостью.

Они замолчали, и тишина, воцарившаяся в комнате, нарушалась лишь громким тиканьем старомодных часов да шелестом огня в таком же старомодном камине. Оба знали, чем закончится разговор.

Оба понимали, что если хотят сохранить то, что связывало их все это время, и в первую очередь взаимное уважение, им придется расстаться. Возможно, на пару недель. Возможно, навсегда. У них оставался лишь этот вечер, и оба хотели запомнить его как лучшее время в своей жизни.

Планета Гренада-7. Спустя годы

— И все же, коллега, я считаю диалектический материализм высшей точкой...

— Ой, да полноте вам рассказывать сказки. Все это устарело больше тысячи лет назад!

Привычно уже споря, два седых профессора неторопливо подошли к обрыву, повернулись — и в этот момент прогремел залп. Тот, который повыше ростом, упал сразу, а второй еще пару секунд стоял, удивленно глядя выцветшими голубыми глазами на такое же бледно-голубое, по-осеннему холодное небо. А потом упал и он.

Вахмистр, по-тараканьи шевеля нафабранными усами, подошел к телам и, не утруждая себя диагностированием смерти, попросту сделал им контрольные выстрелы в голову. Носком сапога столкнул обоих вниз, со стометровой высоты, и махнул рукой ожидающему его отделению. Расстрельная команда, до того напоминавшая четкостью движений и выправкой стойких оловянных солдатиков, тут же задвигалась. Допотопные винтовки закинули на плечо, дружно развернулись и, не нарушая строя, зашагали прочь. Словно роботы какие-то, право слово. Вахмистр же окинул взглядом испуганно

сжавшуюся толпу, безразлично развернулся и последовал за своими подчиненными. Будто не сам этих несчастных обывателей сюда пинками сгонял. Он ушел, а люди, безмолвно глядящие ему вслед, так и остались стоять у обрыва, долгих полчаса не решаясь покинуть это место.

— ...Они их казнили, мама! Представляешь? И что теперь?

— Да ничего, — красивая женщина с чуть усталым лицом прекратила, наконец, брякать тарелками, отошла от раковины и вытерла руки старомодным вафельным полотенцем. Кожа покраснела — горячей воды не было третий день, а посудомоечный агрегат как сломался месяц назад, так и стоял в углу неммым укором происходящему. — Сами виноваты твои профессора — сами пусть и расхлебывают. Точнее, уже расхлебали.

Если честно, профессора были не *его*, четырнадцатилетнего подростка, эмоционально рассказавшего о том, чему пришлось стать невольным свидетелем. Просто он в силу любознательности посещал факультатив для старшекласников, а вели его преподаватели местного университета. Разумеется, не эти два старика, им не по чину, однако же в их маленьком городке сложно не знать, кто есть кто. Особенно сталкиваясь на тех факультативах с молодыми преподавателями, рассказывающими о своих наставниках исключительно в восторженных тонах.

Другой вопрос, что виноваты они действительно были сами. Если уж ведешь подрывную деятельность, то хотя бы делай это тихонько и грамот-

но. А не так — собрали вокруг себя кучу молодежи и начали толкать речи. Полученный результат выглядел закономерным. Кто-то донес, в результате слушателей на рудники, а главных действующих лиц — к стенке. Именно так и положено действовать оккупационной администрации, особенно в тот момент, когда она еще не закрепились толком и чувствует себя неуверенно.

И если захватчики решили таким образом создать атмосферу страха, подавить волю к сопротивлению, то это им вполне удалось. Местные — народ вроде бы резкий, вспыхивают мгновенно, только вот и затушить их порыв можно с легкостью необычайной. Это в большой стране с долгими традициями эффект будет обратный, да и то не везде. Хотя в Империи, конечно, так бы и случилось — там вообще существует традиция поднимать на вилы любых незваных гостей.

— Мам...

— Ну чего тебе?

— А почему нам Империя не помогла? Они ж вроде союзники.

— Ну, тут все просто, — женщина аккуратно поставила на стол тарелку с исходящим струйками пара овощным супом. Наверняка вкусным, хотя, конечно, мяса в нем было днем с огнем не сыскать. Увы, с продуктами в городе было погано. — Вот скажи, почему они должны были нас спасти?

— Так союзники же!

— Не-а, — она тряхнула головой, отбрасывая со лба непослушные волосы. — Ешь.

— Да ем я! — сын действительно сунул в рот ложку супа, тут же обжег язык и лишь усилием

воли сдержал порыв выплюнуть все обратно. — Так почему нет?

— Потому что союз подразумевает взаимную ответственность. Империя, когда нам требовалась помощь, обеспечивала ее всегда. Даже если это было им самим во вред. Но когда помощь потребовалась ей, наши правители решили, что никому и ничего не должны. Да, помощь эта обернулась бы для планеты серьезными убытками, но... В общем, теперь мы потеряли больше.

Действительно, потеряли они изрядно. Точней сказать, все потеряли. Когда Галактический рейх (ох уж этот немецкий пафос, всего-то дюжина планет, но гонору действительно на всю галактику) пришел на Гренаду-7, Империя и пальцем не пошевелила, чтобы помочь обреченной планете. А ведь одной полноценной эскадры хватило бы — рейх, даже надорвавшись, не смог бы построить ничего подобного.

— Все равно. Не по-человечески это как-то.

— Они считают наоборот. А ты ешь и не болтай. Особенно на улице — сам понимаешь.

Он понимал. Жители планеты не то чтобы бросились стучать друг на друга, но и запирались на допросах не собирались. Так что за невесторженный образ мыслей на виселицу загрометь можно было запросто. Стоит признать, немцы буйствовали в меру, но и жалости не знали. Положено — расстреляют. Орднунг¹. И тут же на языке будто сам собой завертелся новый вопрос.

— Мам...

¹Порядок, дисциплина (*нем.*).

— А?

— А почему немцы... такие?

Он не уточнил, какие именно, даже сам бы не смог, наверное, сформулировать, но мать поняла и грустно усмехнулась:

— У них все еще комплекс неполноценности. Одна из самых молодых наций. Чересчур ужатая в ресурсах. Начавшая две мировые и три большие космические войны и все проигравшая. Раз за разом по их результатам унижаемая соседями. Сейчас они поступают умнее, аккуратно захватывая мелкие планеты, но рано или поздно зарвутся, сцепятся с кем посильнее и вновь огребут. А главное, подспудно это понимают и не могут ни сойти с ведущего в тупик пути, ни просто остановиться. Вбили в свои тупые головы идею о собственной исключительности, каз-злы! Ладно, доедай, а мне на работу пора. Нельзя опаздывать. И так, боюсь, скоро новую искать придется.

Ну, оно так, конечно. Для сына мать всегда самая красивая, но умом-то понимаешь — когда женщине под сорок, блистать певицей в ресторане все сложнее. Молодые дурочки на пятки наступают, эти берут не голосом и опытом, а темпераментом в хозяйской постели. Это в опере примы с возрастом лишь набирают обороты, здесь же — увы.

Смешно, еще недавно такой проблемы не возникло бы в принципе. Карьера мелкой певицки была для матери не более чем забавным хобби, а основным занятием — ведение нескольких фитнес-групп в спортзале, небольшом, зато собственном и довольно модном. И там же — занятия по самообороне для пожилых людей. Все же Гренада-7 не

особо спокойное место. Не светоч криминала, что вы! Но вечерами по улицам, особенно вдали от центра, ходить следовало аккуратно и с оглядкой, так что секция процветала, и вели уроки весьма квалифицированные тренеры, все, как один, из отставных офицеров. Мать, впрочем, тоже кое-что умела, принимая в сем действе посильное участие.

Жаль только, все закончилось, когда пришли немцы. Они не то чтобы запрещали подобное, во все нет — такое чувство, им было плевать. Другой вопрос, что у населения резко стало мало денег — только чтоб прожить. Ну и — это уже момент, скорее, положительный — уличная шпана разом вымерла. Физически — их тупо перестреляли. Разве что малолетки остались, да и те притихли, как мыши под веником. Сейчас, правда, опять начали оживать — для портового города криминал на улицах скорее правило, чем исключение. А значит, не за горами момент, когда немецкие жандармы устроят показательно жестокие рейды и окончательно решат криминальный вопрос.

Для бизнеса матери все это означало полный крах. Вот и стало развлечение основным способом заработка. Не самым доходным, позволяющим разве что кое-как свести концы с концами. Сейчас же и он оказался под угрозой.

Мать ушла, Алексу же, оставшемуся за старшего, пришлось в хорошем темпе заканчивать обед и заниматься домашними хлопотами. Невеликими, правда — быстро протереть и без того чистые полы, что в маленькой и неотягощенной избытком мебели квартирке выглядело занятием простым. Сделать уроки — школы, профессиональные

училища и университеты исправно работали. Правда, изменились программы, но математику, физику, химию и прочие базовые технические науки завоеватели не только не отменили, а даже усилили. Хотя, конечно, философию, историю, литературу при этом урезав до минимума. Немцам были нужны грамотные подданные, способные развивать экономику рейха, а не гуманитарии, предпочитающие работать языком.

Еще одним пунктом в череде домашних обязанностей было сходить в детский сад и привести оттуда пятилетнюю сестру. Кто ее отец, Алекс понятия не имел, а мать упорно отмалчивалась. В свое время ездила на курорт, отправив сына в скаутский лагерь, — и вот результат. Изабеллу парень не любил, но и не пытался вставать в позу обиженного. Что получилось — то получилось, деваться некуда и надо с этим как-то жить. Зато на примере собственной непутевой семьи намертво запомнил старую истину: одно неверное движение — и ты отец. Это знание, кстати, пришлось ему более чем к месту. В конце концов, он и сам был в том возрасте, когда активно начинаешь интересоваться противоположным полом, и незапланированная беременность подружки-тинейджера — право же, это лишнее.

Школьный звонок протренькал, как обычно — противно и громко. Ощущения, как от вялотекущей зубной боли. Еще год назад это было бы сигналом плюнуть на все и выскакивать из класса, возможно даже с радостными воплями. Тут, правда, больше зависело от учителя и того, насколько интересно он

вел урок, но — тем не менее. Сейчас же народ сидел чинно, ждал разрешения учителя и, получив его, вышел аккуратно и тихо. За не такой и большой срок немцы успели привить отрокам устойчивое представление о порядке. Как? Да очень просто. Незамедлительная порка за любую провинность, тут же, в классе. Ну а тем, кто не провинился, маленький бонус в виде бесплатных завтраков в школьной столовой. Метод кнута и пряника, древний, но все еще исправно работающий, ибо человек, зараза такая, ну совсем не меняется. И, как подозревал Алекс, хотя учителя и кривились на нововведения, но в глубине души они им нравились.

— Леш! Какие планы на вечер?

Марек, одноклассник, гулко хлопнул Алекса по спине кожаной сумкой. Мягкой и довольно легкой, так что получилось не больно, но звучно. Алекс фыркнул:

— Домой пойти, конечно.

— А может, к Светке?

— Можно и к ней. Она как-то хвасталась, что старики привезли какой-то хитрый ром, и грозилась дать попробовать.

Ребята переглянулись и расхохотались. Остальные не обращали на них внимания — дружба их троицы, Алекса, Марека и Светланы, была вынужденной, а потому крепкой. Все трое — дети эмигрантов. Марек прилетел сюда с Малой Варшавы. Кстати, именно поэтому и остался в живых, потому как его родную планету расколошматило незамеченным во время шальным астероидом аккуратно через год после того, как его родители, неудачливый политик с супругой, оттуда свалили. День в день, такое вот

совпадение. И не то чтобы жалко, планета была так себе, а вот людей числом почти четверть миллиарда не вернешь...

Так вот, Марек — поляк, Светлана — финка, с Новой Суоми. Ну, там тоже не все слава богу, зря, что ли, эмигрировали. Ну и Алекс — он вообще-то родился здесь, но мать была приезжей. Откуда — не говорила, отмалчивалась, и сын уважал ее право на личные тайны. Местным же чиновникам было все равно — главное, занесла положенную мзду, а вписать можно что угодно. Зря, что ли, на таких окраинных планетах любят скрываться те, кто хочет откинуть прошлое и начать новую жизнь?

Все трое от местных, коренастых и смуглых, отличались высоким ростом, светлыми глазами и волосами. Даже у выглядевшего на фоне троицы темным шатена Алекса они были куда светлей, чем у местных. Пшеничный же цвет Марека и светло-русый, очень хорошо подходящий к имени, у Светланы, и вовсе бросались в глаза издали.

За непохожесть к слову, периодически цепляли местные ревнителю основ, пытающиеся выместить собственные комплексы на «понаехавших». Впрочем, с определенного момента безуспешно. И в свой тесный круг ребята никого не допускали, хотя, конечно, на необычную внешность периодически клевали местные красотки. Этим ребята пользовались без зазрения совести. А вот от Светки чужих отшивали решительно — так, на всякий случай.

— А где наша полная блондинка? — поинтересовался между тем Алекс.

— Домой пошла уже. Ее мать просила не задерживаться сегодня.

— А-а... Тогда и на ром нечего рассчитывать. Но давай-ка поторопимся.

— А что?

— Да на Калле Эльвира с утра Мигель со своими пиратами опять дрейфует. А он дурак, так что Светке и достаться может.

— Зря ты ему в прошлый раз шею не свернул. Побежали!

На улице было дерьмово. С утра моросил противный мелкий дождик, и заканчиваться он, похоже, не собирался. Пластибетон, которым в городе мостили улицы, был отвратительно-скользким и пестрел мелкими лужами. Все правильно, и материал берут самый дешевый, и кладут его кое-как. Несмотря на спешку, Алекс лужи старательно обходил — в них копошились земляные мокрицы, эндемичная пакость, мгновенно закукливающаяся и впадающая в анабиоз, когда было сухо, и так же быстро оживающая, стоило пойти дождю. Никакой угрозы эти похожие на мелких белесых червячков создания не представляли, но ведь противно же!

Впрочем, сегодня все выглядело так себе. Мокрые стены домов, сложенных из серого песчаника, уже напитались водой и потемнели. Зеленоватые стебли плюща, к земному не имевшие ни малейшего отношения, но весьма похожие, выглядели уныло и картинку только портили. В общем, классическая получилась картинка окраинной улицы провинциального города депрессивной планеты. И люди были этому месту под стать — в отличие от большинства планет, населенных выходцами из Латинской Америки, где могло твориться что угодно, однако все равно наблюдались движуха и веселье,

Гренада-7 и раньше-то выделялась не самым приятным менталитетом аборигенов, а сейчас, когда пришли немцы, и подавно.

Как выяснилось, торопились они не зря. Мигель действительно обнаружился, да еще и посреди улицы. Где Светлану в компании приятельниц и тормознули. Сейчас там шел разговор на повышенных тонах. За подругу Алекс не особо волновался — Мигель сволочь, но не идиот, и знает, что огребет сразу и больно. А вот за остальных девчонок заступиться было особо и некому. Вон как в стену-то вжались. Другой вопрос, что ни Алексу, ни Мареку они, собственно, никто, однако все равно стоило вмешаться. Хотя бы для порядка, чтобы знали, кто тут главный.

Мигель когда-то с ними же и учился, но в прошлом году школу бросил. Его, впрочем, особо и не держали — учился парень отвратительно. В основном потому, что не считал ее чем-то нужным, в чем его вполне поддерживал отец — мелкий «бык» в портовой банде. В отличие от папаши, Мигель был не дурак, но притом и гением его не назвать. Иначе сообразил бы, что немцы их быстро зачистят «в ноль», и будет ему или пуля в лоб, или же путевка на урановые рудники. И неизвестно еще, что лучше.

Что там они со Светкой обсуждали, так и осталось непонятным. Финка говорила традиционно для своего народа тихо и не слишком эмоционально, а Мигель хоть и орал, но достаточно невнятно. А все потому, что сложно говорить с поврежденной челюстью и нехваткой зубов — и ту, и другую особенности организма он приобрел несколько месяцев

назад, в уличной драке, и пока что исправить их не удосужился.

Так вот, суть разговора непонятна, однако в расклады парни вмешались решительно, благо их приближения ни сам Мигель, ни трое его приятелей не заметили. Слишком были увлечены осмыслением шепелявых перлов, а потом стало уже поздно.

В отличие от занятых переговорами гопников, Алекс с Марекom времени на формальные приветствия тратить не стали. Алекс с ходу залепил классическую боксерскую «двойку» по роже ближайшему оппоненту. Тот на вид был чуть постарше друзей, а потому и опаснее — в этом возрасте даже год разницы многое значит. Впрочем, несмотря на тупой вид, он имел еще и мозги. Откуда известно? Так ведь если б упал, шарахнулся головой, а потом встал — стало быть, и мозгов нет. А если появилось сотрясение до потери сознания — значит, есть чему сотрясаться.

Пока Алекс укладывал своего противника, Марек обработал второго. Пнул его в промежность и тут же добавил сцепленными руками по хребту. Получилось не столь убийственно, как у товарища, но вполне неплохо. Только в этот момент остальные начали понимать, что происходит что-то незапланированное, но трепыхнуться уже не успели. Марек отвлек противника, Алекс тут же приласкал его по затылку, после чего оба повернулись к опешившему и хлопающему глазами Мигелю.

— Слышь, ты, выкидыш. Тебе сколько раз говорили, чтоб к Светке подходить не смел? — лениво спросил демонстративно ковыряющийся ногтем

в зубах Марек. — А когда она идет — чтоб с дороги отскакивал, а?

— Че ты с ним возишься? — тупого и агрессивного изображать у Алекса всегда получалось виртуозно. Даже учителя верили — а потом удивлялись очень даже неплохим оценкам в тестах. — Выдавить ему глаз — и делу конец. Слышь, козел, тебе какого больше не жалко — левого или правого?

— Погоди, — Марек свою роль тоже отыгрывал неплохо. — Тут же улица, свидетелей много. Пошли, Мигель...

— Куда?

Надо же, какой голос-то стал — неуверенный, зато разборчивый. Марек усмехнулся в ответ:

— А вон туда, в арку. Там никто не увидит...

Вместо того, чтобы повернуться и бежать со всех ног — преследовать его все равно бы не стали — Мигель решил поиграть в крутого и выдернул из кармана нож. Довольно паршивого качества складник, зато большой. Правда, воспользоваться им не успел — Алекс, спасибо урокам матери и тренеров из ее фитнес-зала, отлично знал, как надо действовать. Все было вбито на уровне автоматизма. Секунда — и нож полетел в одну сторону, а Мигель в другую. Сегодня он лишился еще двух зубов, но, стоит признать, легко отделался — наносить ему по-настоящему тяжелые увечья никто на самом деле не собирался.

— Еще добавить? — почти ласково спросил Алекс. Мигель, встав на четвереньки, выплюнул кровавую слюну и плачущим голосом прошепелявил:

— Я отцу скажу. Он вас...

Дальше следовало описание того, что папаша Мигеля сделает с теми, кто посмел обидеть его чадо. Описание стоило комнатной шпане еще одной плюхи, от которой у него заболела ягодица, по которой, собственно, и пришелся отвешенный Мареком пинок. Дальше судьбу испытывать Мигель не стал и на четвереньках, похожий на гигантского таракана, шустро умчался прочь.

Все присутствующие хорошо понимали, что отцу Мигель пожалуется обязательно. Также они понимали, что реальных последствий не будет. Нет, конечно, если бы все зависело только от папаша, тот бы наверняка попытался разобраться. Но — кто ж ему даст?

Отец Марека был не последним человеком в профсоюзе докеров, а они — та еще мафия, при том, что считаются законопослушными и уважаемыми. Что, в общем-то, логично — дураки бьются за место под солнцем, умные все время в тени. Рядом с ними все эти мелкие банды — так, ерунда особо никого не интересующая. И то, что немцы их всех поприжали, реальных раскладов не меняло совершенно. А потому быку из не такой уж большой группировки свои же рога обломают, дабы не провоцировал.

Да и без грозного папаша Марека ничего бы не случилось. Специфика этих мест — очень переплетенная система родства. Слишком легко обиженный мальчишка может оказаться племянником кого-то влиятельного. Учитывая, что близкими родственниками здесь считались колена до восьмого, удивляться нечему. А переход детского мордобоя в войну между кланами никому не был нужен. Вот и сложилось негласное правило: детские драки